

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Дорогие читатели, перед вами необычная книга, представляющая собой попытку говорить о тех вещах, которые практически не поддаются обсуждению и описанию, во всяком случае на привычном для нас языке и в рамках доступной нам системы понятий. Язык описания и система понятий, опирающаяся на этот язык, практически неразделимы. Они так безупречно совпадают по объёму и по форме, что отделить их друг от друга и рассмотреть структуру их взаимосвязей так же сложно, как сознанию человека постичь самоё себя. И всё же цель книги, лежащей перед вами, именно в этом.

Я отличаюсь
внешне

魏德漢

Бронислав Виногородский — один из очень и очень немногих *практиков* даосизма, наших современников. Переводчик древнекитайских текстов, писатель, философ, художник, поэт, музыкант, мастер цигуна и театральной импровизации. Бронислав Виногородский предстаёт в этой книге в самых разных своих ипостасях, представляя при этом не себя, а тот способ соощущения и взаимодействия с миром, который по сути и является даосским.

пространство камней ветки,
топология и правила
поведения

все здесь
просто случайные
свидетели мира

李锐

Даосский мир — это непрерывный поток взаимопроникновений, изменений и трансформаций, а текст — его модель, где форма имеет не меньшее значение, чем содержание. Все части данной книги говорят об одном и том же, но по-разному, вместе составляя единое целое. Структура движения мира-потока в результате становится чуть более осязаемой, а мир, проглядывающий сквозь пересечение не связанных на первый взгляд историй, ведущих нас по закоулкам ритмов, смыслов и интонаций, чуть более понятным.

Рассказы, ставшие основой этой книги, необычные, однако их необычность объясняется не стремлением к внешней оригинальности, а следованием потоку творческой энергии и в то же время желанием автора «расформатировать» привычные установки восприятия реальности и текста как её модели. Слова и образы, отмытые потоком от шелухи привычных ассоциаций и оторванные от обычных своих соседей в цепочках логических связей повседневности, вдруг заставляют увидеть их и окружающий нас мир по-новому.

Неважно, станете ли вы читать книгу с начала или с середины, откроете ли первым рассказ, отрывок из романа или научную статью, — всё это не хронологически расположенные части, а различные пласты единого целого, пройдя через которые (и пропустив которые через себя), возможно открыть иное видение мира — как если бы пласты эти работали как линзы, допускающие различного рода искажения, но вместе формирующие чёткую, сфокусированную картинку реальности даосского мира, картинку миропотока, постоянно меняющегося, однако узнаваемого и познаваемого.

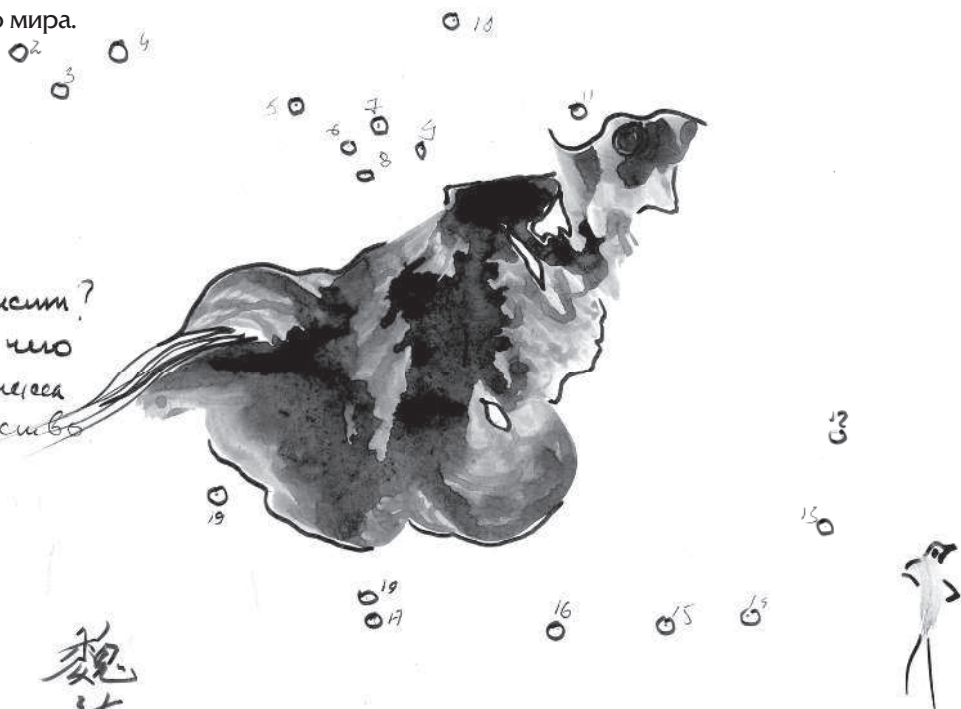
Художественное творчество Бронислава Виногородского, конечно, экспериментально. Однако эксперимент здесь понимается не в позитивистском смысле слова как тщательно спланированное действие, направленное на проверку определённого механизма, а как уверенный, но совершенно спонтанный шаг навстречу набегающей волне времени в потоке нескончаемых трансформаций этого мира.

В рассказах Бронислава место сюжета занимает ритм и интонация, вдруг выходящие на первый план и превращающие рассказ в исследование собственно природы ритма и интонации. При этом в рассказе могут исчезать такие значимые для привычного повествования элементы, как сюжет, герои и даже известные читателю — как, впрочем, и писателю — слова. Как ни удивительно, рассказ от этого не теряет ни осмысленности, ни живости — он продолжает дышать, удерживать внимание и нести значение.

от чего это зависит?
получается с чем
лишь из образов и некое
состоит рая или волшебство

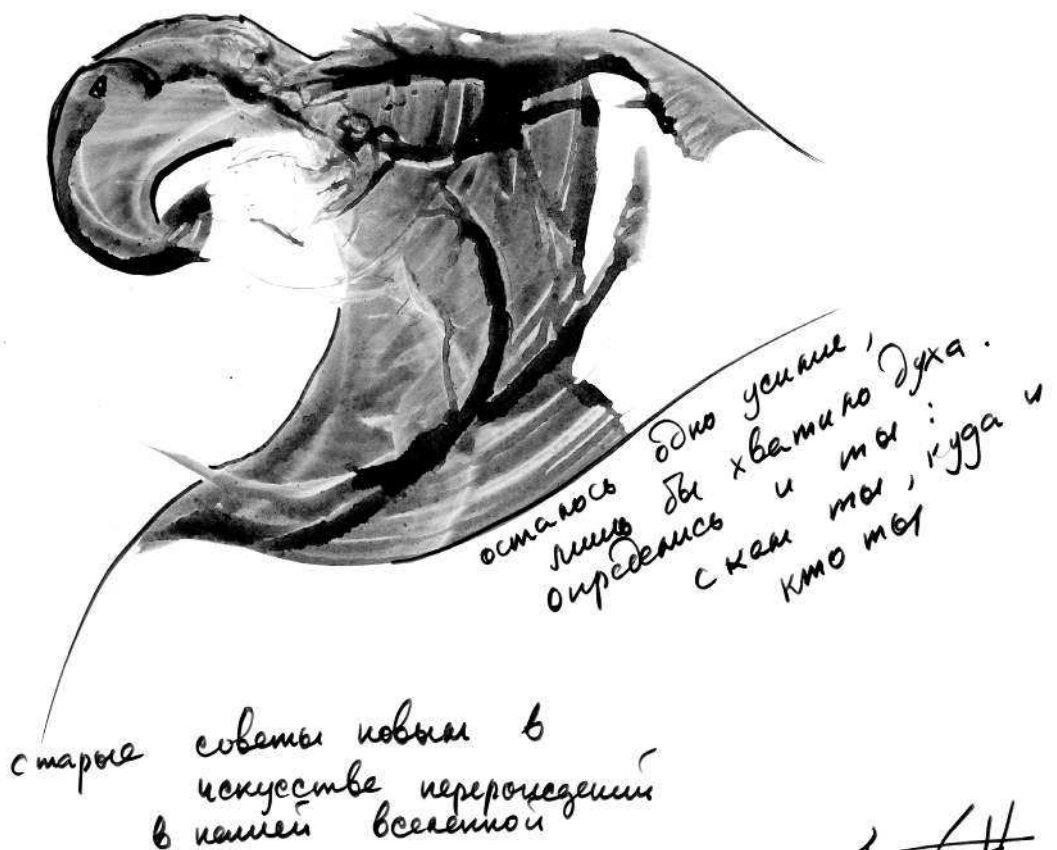

魏德漢

В то время как рассказы, стихи и отрывки из романа Бронислава представляют собой попытки следования, его статьи служат отчётами об исследовании пути. И те и другие предлагают различные способы «вхождения в тему». При этом ни один из них не является предпочтительным; именно в своём сочетании они дают возможность активировать различные пласты сознания и в более полной мере получить тот опыт переживания реальности, который через свою работу пытается передать автор и на котором базируется древнекитайское восприятие мира. Рассказы и статьи представляют собой как бы выдох и вдох, рассеяние и концентрацию внимания, вместе образуя ритмическую структуру, лежащую в основе существования всего живого в этом мире.

В контексте древнекитайской культуры похожую функцию выполняют истории Чжуан-цзы. «Я – даос. Ты тоже?» – современная версия Чжуан-цзы, вобравшая в себя его диалогичность, мифологичность и одновременное стремление к ясности, изменчивую ритмику и интонацию, экспериментальность, а также реальный и художественный опыт человечества за прошедшие тысячелетия.

осталось одно усилить,
лишь бы хватило духа.
определись и тогда скажи
с кем ты, куда и кто ты

старые советы новыя в
искусстве перроцедешии
в нашей вселенной

李德美

Великий разум раскрыт безгранично,
а малый разум — это лишь границы и
разделения.

Великая речь — вспышки озарения,
а малая речь — суетливое
пустословие.

Во мраке сна души цепляются
друг за друга, а в пробуждении
освобождаешься от телесных оков.

Всё время в общении, слепившись
друг с другом, целыми днями
всё воюешь в уме, а связи такие
неразрывные, глубокие, крепкие.

Малый страх — это лишь тревога
на лице, а вот великий страх повязан
с тобой навсегда.

Речь превращается в действие
неожиданно, будто нажимаешь на
спусковой крючок, и всё.

Управляешь происходящим, говоря
«да» и «нет». Через зароки и клятвы
сдерживаешь себя речами. Если
умеешь управлять своей речью, то
можно сказать, что уже победил.

В мире осень и зима, завершая
процесс, уничтожают живое, а в речах
этому соответствует уменьшение день
ото дня потока слов, произносимых
тобой.

Человек тонет в море дел, с которыми
неразрывно связал себя. Не может
вернуться к начальному себе, когда
в дела ещё не окунулся со страстью.
Он постепенно закрывается и нитями
дел зашивает отверстия сообщения
с миром, а потом в старости кается,
что жизнь свою прожил впустую.

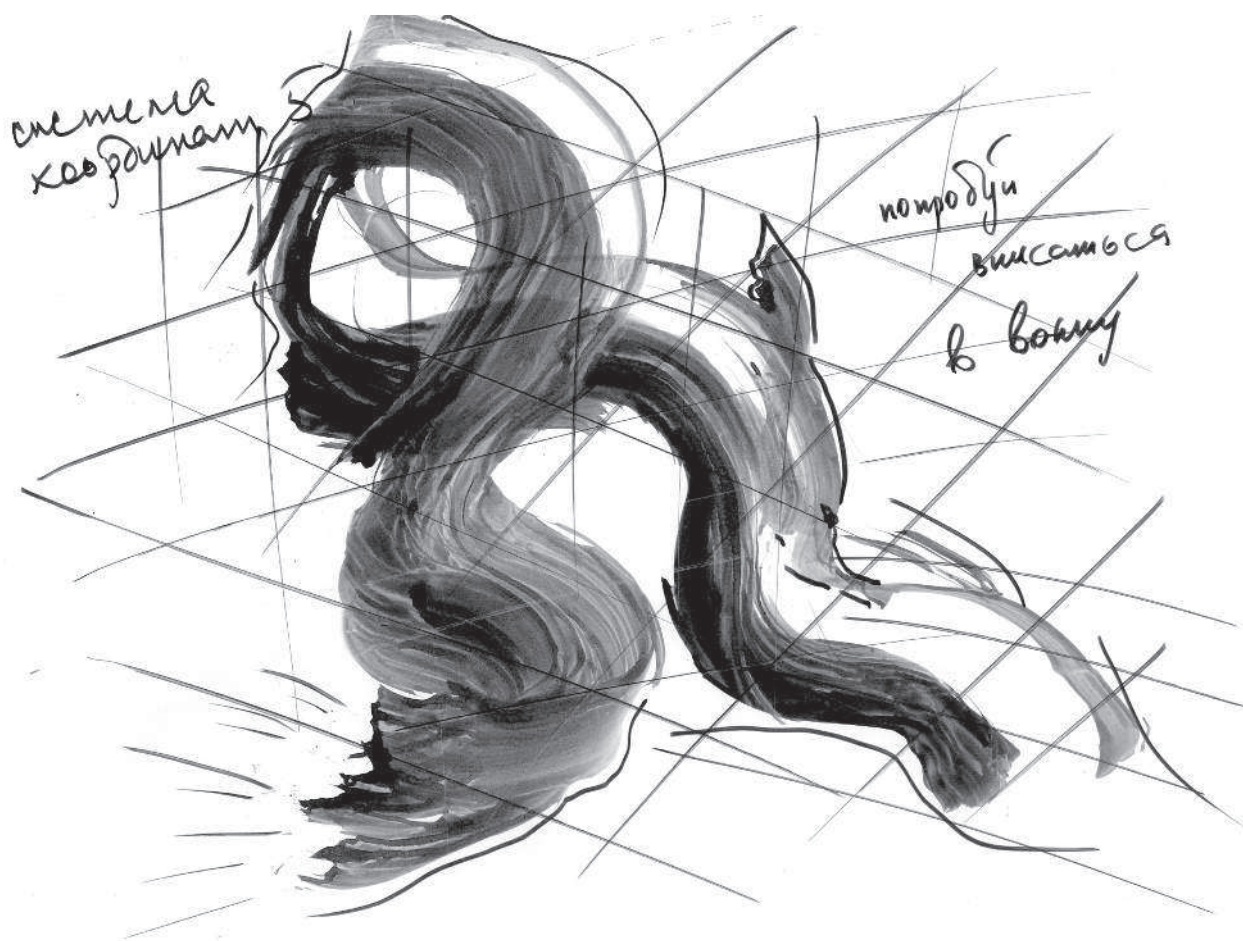
Чжуан-цзы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОЦВЕТИЯ СМЫСЛОВ

Сам я отсюда же

Кудесников ритмы животные чудных плетений. Кудесники берут этих кудов, чтобы плести кудесы, и ходят они по миру, сплетая из душ нитяные веры, напутывая узор замысловато, легко и просто. И я поплутал по зелёным дорогам моря, там парус не нужен моим воображениям в странствиях света. Там по иной тропе всё рисуется волнами вздоха. Мы с тобой не останемся обузой, потому что так хочется быть незаметным, чтобы эта гора погрузилась в землю, а по пыльной дороге, идущей на Небе под этой горой, отразились босые ступни детского размера, целующие тепло своего детства, бегущие, например, к деревенской школе, но не на учёбу, а так просто — из шаловливости праздной и сплошного задора.

Возвращаясь к теме

Вот люди привычно восторгаются, встречаясь на улице, подводят детей, знакомят их наново. А потом, припав к новогодней ёлке, думают о вечном на крестовине обыденного противотока и не подозревают, что все ходы пишутся последовательно, один за другим. И потом уже будет не вырваться из необратимого звука, режущего тишину на множество правильно огранённых частей, из которых и домик построить можно, вот только жить в нём невозможно всё равно. Потому мы здесь все бездомные сироты тишины, бездонные облики под луной, воздушные ломтики на окне, электрические коты заводного свойства, ржавые связи несмазанных свай, забитых в морское дно.

Не было этого

Не случилось бы это маленькое движение — и всего остального тоже бы не произошло, не прошёл бы трамвай станцию, не нарушилось бы подвижное соединение, так что теперь всем на севере куковать, потому что иных значений у слов и букв найти не сумеем от врождённой лени и холодной тропической осени. Секи фишку за фишкой.

Не тормози пока

Едем и едем. Куда, правда, забыл спросить. Но ведь движение происходит — а что ещё нужно для остроты ощущения мира? Только немного чёрного хлеба, молока и черники под хвойный запах во время засолки чёрных груздей. Вот тогда всё и устроится, а до этого и спрашивать смысла не имеет. Так что не тормози пока, остановиться успеешь.

а я сваливаю !

Ровная гладь — это
полнота выражения спокойствия
воды. Это можно взять за образец.
Сохраняй его внутри, и вовне не будет ряби.
Сила духа — это настрой совершенного лада.
Когда сила духа не от плоти, тогда предметы
не могут рассеять её.

Чжуан-цзы

Двери открыты

Опять представление не удалось. Надсадно звучит, трогая не оставшихся в зале. Ошибки мы принимаем молча, но где же? Но где же дорога? И верным не быть надоевшими. И тех, кто заметил подлог, отпустят за бананами века, так что в этом медленном треске каменного кузнечика травы будут биться друг о друга тяжёлыми бритвами граней, за мигом мечась.

Мечта, не замедливши сбывься, ругнула и только. Останешься ведь у дороги, другие пройдут. Остановят, и ты не поймёшь, как воздействие века на твой незаметивший глаз удивлять перестанет. А жаль.

Опять интонации

Звонят и звучат, а колокола остались вдали, и нет тонких перемещений смыслов от одного к другому. Попугиваюсь, подрагиваю, перемещаюсь, и звон стоит в ушах такой, что времени нет принять на себя ответственность за то, чему и имя было лень придумывать. Свет кончился, и настала ночь.

Всякому предназначено

Не ты здесь затерянный, помнишь, сместился на грамма четыре, потом только влево тянулся след. Помнишь, конечно. Только представить себе не можешь сейчас. Там нас было не шесть и не два, там нас было, ну, кажется, пять или восемь. Сочетания ритмов и смыслов. Они нам рисуют, совсем причитая, они нас низводят до уровня классических произведений на конфетных обёртках. Ведь только что было так сладко. Но то, что внутри, уже съедено, от липкого вкуса осталось одно неприятное жжение, а светлые тени-бумажки валяются классикой оконной рамы в тени пыльных пятен на асфальтовой лестнице мира.

От ветра до вечера

Смеющиеся вокруг, и с разных сторон — время. Гостиница при вокзале, одиночества круг, и множество новых, пытающихся пройти, как всегда, сквозь. Тебе ли, мне ли, кому-то — всё равно, а другие только и думают о том, как бы расстараться вдоволь. Отмучиться и поспеть. Но не к шапочному разбору. Ведь об этом не может быть и речи. Всё же не сможешь сказать, если в глаза глядят тебе пятна зрачков, а за ними всё та же верность несбыточным идеалам.

Семеричный катрен

Слова мелькают понемногу, и привыкаешь, чтобы потом откинуться и, прислонившись к стене, вздохнуть, подумать о ближнем, как о самом себе, и только боязнь казаться банальным (а как ещё?) останавливает и, попугивая, уходит застарелым походняком вправо.

Ну очень коротко

Светлое и неприкаянное показалось другим, потом же свернулось, тихо посопев в плечо, обернулось чужой ночью, а теперь спит долго.

Быстрым

Я теперь решил и буду охранять его сон, но, вероятно, ни ему, ни мне, не знаю своего отчества, не нужно ни это, ни всё остальное, что можно было бы себе вообразить на основании этих нелепых шуршащих движений.

Чёрным отблеском

Свербит и крочит, потом, не закончив, перетекает на соседнюю стену, в результате чего получается несколько тёплых движений, а в остальном всё так же — зима и петли нерасторопных взглядов.

Теперь вот

Очерчено теперь точно, теперь уже нечего думать, что было задумано по-иному, нет, именно так, до мельчайших деталей, до каждого призрачного робкого полуотражения, которое осмелится проявиться в уже затухающем в знаках зрочке.

Про Китай

Теперь нужно добавить к этому несколько мигнов около водопада, дорогу к монастырю, пару аэропортов разных, но в то же время совершенно похожих. Тысячи взглядов, мелькнувших в разных мгновениях и соединивших ничем не родственные пространства, ещё подмешаем немного света и тени. И не лень же было рисовать такую ничем не примечательную картинку!

Не подойдешь покуда

Куда принесло и с какой такой целью — нет ответа на этот ужасно некорректно поставленный вопрос. Вот, например, сегодня дым стлался понизу, а крыши летели вверх, твердь разверзлась, а оттуда — всё то же. Так что ни к чему настаивать. Сиди себе спокойно.

И всё это

Конечно же не только об этом, но ведь пробегает волной, ребрит и тревожит поверхность, за которой змеятся образы, и водой по ступеням скользит, а камень такой мохнатый и тайной наполнен в воде под твоей ступней.

Ещё раз об этом

Ступенька одна, другая, потом уже и тысяча кажется маленьким мигном, всё в гору и в гору, предвещая спуск в околосумеречном свете. И ещё множество розовых и белых цветков, лежащих на ярких зелёных пятнах тревожных мхов, с этих ступеней смотрящих в вечность.

Серенькое-серенькое

Мышкой заиндевелой неприметное глянуло, юркнуло, спряталось. Самолётом урчащим в небесных утробах гаркнуло, рванулось, исчезло. Потом по скалам грохотало, эхо раздавалось. Лавины сходили, селевые потоки сметали всё на своём пути. Оно же — незаметное, неприглядное, неслышное — шуршало в пространстве ветром неосязаемым.

красивейшие
наставления
многоликий
дальнейшим

погода забвения нас
в волнах наших
несениях

З.И.М.

В сознании
человека высших качеств
объединяется множественность
всех предметных связей. В мирских же делах
всё постоянно разлагается, и люди хотят, чтобы
к управлению пришли прозревшие и навели порядок. Для
достигшего нет ничего, что может ему повредить. Пусть будет
великий потоп до Небес, он в нём не утонет. Пусть в великой засухе
плавятся камни и металлы, сохнет почва, трескаются горы, ему не будет
жарко. Из пыли, грязи, мякины и соломы он способен сотворить шедевры,
достойные имён царей древности, Славного и Великого.
Только служить делам и предметам у него не возникнет желания.

Чжуан-цзы

Заводится и летит

Был один такой на самом крайнем, но его стали ловить всем окрестным миром. И никто не знает, кому первому в голову мысль пришла, что его надо ловить. Зачем это было делать, кому он мешал? Никому. Ведь его существование было на грани практически несуществования, а все бросились, стали руками махать, и, главное, очень ногами шаркали и швакали, а он этого не переносил. Ну и какой результат? Относительный. То есть никакого. Ну поймали, положим, его или, положим, не поймали. Он ведь практически за гранью несуществования — настолько за гранью, что неизвестно, с какой стороны. Много такого происходит на просторах, и неважно, как это называется, даже если оно имеет странное имя. Не имей этого имени вообще, то никому в голову не придёт смотреть рядом с тьмой ночного провала, искать отличий света до и после. Некогда совсем, всем нам некогда совсем.

Дорога к храмам

И ветра не было, а солнце яркое вдоль реки. Сначала мостики какие-то, ковыли придорожные или что-то такое, ощущение от вчерашнего состояния предсонного, когда белые кольца нефритовых лент свились в событийную вереницу реального дракона, и с ним дальше в гору среди людей и хрустальных вод по ступеням, в которых светился мох таким матовым чудом, что верилось в бесконечность творческого мига этого мира.

Каждый луч солнца пробегал наискосок и падал на своё место, каждый взгляд отражался, как нужно, и опять возвращался обратно, отстроенный бесцельностью чуда в зелёной вере за чёрной стеной.

Колите каждую строчку, вертя настроение крепкими пальцами, — переходы не нужны, только очерк отвесный, и дальше по плану за каждого ушедшего в мир откровений о неизведанной правде.

Кому-то, может, и нужно, чтобы всё было так, но оттенки движения звука в перевёрнутом отражении воздуха не смущают меня своей неотслоенной чистой румяной неделей. Ведь столько уже заблудилось в сумерках, и бесконечный чернильный забег пролитой на белую скатерть тени — ведаёт Бог, как мне приходится по сердцу каждый из этих стуков.

я бы и не загадывала
в эти глаза и Божю
их три
и каждый два
веса,
хотел
тащивать.

исходи
это
направлений
так

взгляд,
внутри,
видимый
изнутри

Происходящее

И в этом не очень много такого, что стоит оставить детям, но время проходит неутомимым шагом через всё то, что я про него воображаю. Я мелко измеряю пространства возможностей, и оттуда заходят одна за одной детали, лепя узлы, обрастающие тенями и светом. В результате имею полновесную конструкцию представлений о происходящем. Вот неприятное ощущение, которое сменяется новым видением, и оттуда, только оттуда смогу посмотреть на новые звуки, на новые встречи. Потом что-то начинает тревожно тянуться сигналом из-за поворота, приходит к тебе. Это значит, что кто-то другой рядом строчит донесение Богу, рассказывая ему о том, как неверно, о том, как грубо ты переставил фишки.

Корабль совсем не считается, потому что этот образ уже брали и двигали по поверхности поля — из него ничего не вышло. Ну, уплывал он за горизонт, ну, мелькал белыми парусами. И алым блеском заката мешал своё изображение с изумрудной волной. Ух! Всё-таки дух захватило, всё же перемешало и боком, коснувшись по яркой руке, верно и плотно, приделало это в систему символических ценностей.

Так передвигая пространства, так перемещая взгляд, я смогу подойти, а ты из другого ряда не будешь напоминать тех, кто ушёл уже раньше. Ведь нет-нет, а иногда и мелькнут, что-то вроде сказать желая, и ты не ответишь по той же самой причине, что и всегда. Ну а что и кому здесь скажешь?

Где-то между Небом

«Не завались на бок, — говорю я себе, повторяю нудно много раз подряд. — Главное, на бок не завались». Так твержу, закусив губу, а сам иду, мелкие шаги умело выписываю один за другим.

Но тут просыпается женщина, и я вспоминаю вчерашний свой сон, в котором ощущение нефрита и дракона соединились в отчётливом восприятии того, как реальность формируется драконами сама по себе, пусть даже в восприятии. Тем лучше. Это порадовало, удивив. Движение, само по себе ничего не значащее, но по сути своей главное в жизни. Вдруг выстроился ряд, в котором был виден дракон. Сеть образов поймала чёрную жемчужину. Это то, что надо.

Веришь ли, сколько

Свежей поступью, стальным скрипом из-за дверей, забытой на лавке газетой — а обо всём остальном приходится умалчивать. Потому что в этом проёме появились несколько слева, замерли и уткнулись в глаза небу с мольбой некоторые, но, как всегда, не все. Ведь остальные чувствовали свою силу, из слабости млечной струйкой, притворяясь слезой, слезой, слезой детской, ища в этом себе поддержку, а ведь не могло быть иначе. И тогда за уже звучавшей выше дверью родился новый звук, он нарастал мелко — за каждой струйкой можно было различить вечность, если хватало слуха.

Зима не обещала, лето не тревожило, волнений не хватило и на первую часть, а ты бы со мной не смог пройти даже первые метры.

Я тоже теряюсь по временам.